

18+

Ты
должна
мне
убий
ство

ЛУЧШИЕ
МОЛОДЕЖНЫЕ
ТРИЛЛЕРЫ

ЭЙЛЕН КУК

ПОМНИ ВСЕ, О ЧЕМ ГОВОРИШЬ С НЕЗНАКОМЦАМИ.
И НИКОГДА НЕ ОСТАВАЙСЯ В ДОЛГУ.

Эйлен Кук
Ты должна мне убийство
Серия «Молодежный
психологический триллер»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27406878
Ты должна мне убийство. Роман: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-115874-3*

Аннотация

Ким никогда не думала, что будет участвовать в заговоре с целью убийства. По крайней мере, до того как парень бросил ее ради другой. Но когда в учебной поездке в Лондон она встретила Никки – смелую и уверенную в себе новую знакомую – невинная шутка быстро переросла в нечто более серьезное. Один из студентов погиб при загадочных обстоятельствах, и чтобы завершить сделку, Ким должна совершить ответное убийство... или позволить Никки превратить ее жизнь в ад.

Содержание

Один	6
Два	22
Три	34
Четыре	48
Пять	53
Шесть	68
Семь	76
Восемь	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Эйлен Кук

Ты должна мне убийство

Роман

*Моим друзьям, которые всегда оставались
рядом и были готовы без вопросов привезти лопаты
и черные мешки для мусора.*

Eileen Cook
You Owe Me a Murder

* * *

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Copyright © by Eileen Cook, 2019
© А. Елецкая, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

ПРОГРАММА ПО ОБМЕНУ

ДЛЯ СТУДЕНТОВ
ИЗ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Наши летние программы созданы для того, чтобы показать мир вашим детям. Подобранные для студентов с отличной успеваемостью, желающих расширить свой кругозор, наши программы были названы «меняющими жизнь». Поездка дает возможность ознакомиться с искусством и архитектурой и узнать об истории от гидов мирового класса; позволяет развивать независимость вместе с укреплением дружеских связей на всю жизнь.

Один

Пятнадцатое августа

Осталось 16 дней

Ожидая свой самолет до Лондона у выхода D78 в аэропорту Ванкувера, я замышляла убийство.

Судя по выражениям лиц окружающих, я не была одинока в своем намерении прикончить кого-нибудь. Все были раздражены и нетерпеливы, ведь наш рейс отложили. Парочка в конце ряда ссорилась, выясняя, кто из них забыл закрыть окно перед отъездом. Примерно три десятка пассажиров были готовы угробить ребенка в футболке со Спанч Бобом: малявка либо визжал на уровне децибелов, используемых для пыток собак, либо носился, врезаясь в людей и лапая их своими грязными ручонками.

Мужик напротив меня рычал и скалил свои желтеющие зубы всякий раз, когда мелкий подбегал близко к нему. По идее, такое должно отпугивать, но на мальчика это не производило никакого эффекта. Должно быть, он перенял способность игнорировать неприятные вещи от своей матери.

Та пялилась в журнал *People*, шевелила губами, проговаривая слова про себя, и абсолютно игнорировала тот факт, что окружающие хотят поколотить ее сына своими чемоданами на колесиках. Лишь когда ребенок врезался в нее и она вытаскивала смятый пакетик с разноцветными желейными червячками, чтобы положить одного ему на ладонь, можно было понять, что это реально ее ребенок.

Я повернула голову, чтобы облегчить напряжение в шее. Как бы мне хотелось быть такой равнодушной! Но вместо этого я постоянно смотрела в сторону Коннора. Я так плотно сжала зубы, что они были готовы треснуть. На коленках у Коннора сидела Мириам. Я приказала себе прекратить глядеть на них, но мое внимание все время возвращалось к ним. Он сунул свою руку сзади под ее футболку и поглаживал ей спину. Мне знакомо это движение – со мной он делал так же.

Пока не бросил меня.

Мириам взъерошила ему волосы. Он терпеть не мог, когда так делала я. Отталкивал мою руку или уворачивался, чтобы я до них не достала. Коннор в детстве болел оспой и оглох, так что теперь носил слуховой аппарат. Поэтому предпочитал чуть лохматую прическу – не хотел привлекать к нему внимание. А мне эти штуки на ушах казались чертовски интересными. Не только потому, что это довольно классная техника: мне хотелось понять, что он чувствовал, когда полная тишина сменялась звуком. Но он не любил об этом говорить. И не любил, когда я трогаю его волосы.

Очевидно, с Мириам у него таких проблем нет. Я напомнила себе, что мне все равно. Плевать на Коннора.

Мелкий Спанч Боб врезался в меня. Своими липкими пальцами в синих и красных пятнах он ухватился за мои джинсы. Затем посмотрел на меня своими влажными глазами, не отводя взгляда, медленно опустил свой слюнявый рот к моей коленке... и *укусил* меня.

– Эй! – Я толкнула его, не задумываясь. Он чуть качнулся, а потом грохнулся на попу, одетую в огромный памперс, испустив громкий визг. Я виновато огляделась вокруг: мужик напротив одобрительно поднял большие пальцы. *Молодец, Ким, ты тот человек, который, пока не сталкерит¹ бывшего парня, избивает дошкольников.* Я присела, чтобы помочь ребенку, но тот оттолкнул меня и продолжил бегать кругами по залу.

Я покосилась на телефон, больше всего желая позвонить Эмили, своей лучшей подруге. Она всегда может меня подбодрить. Но она проводила эти каникулы, работая вожатой в лагере на дальнем берегу острова Ванкувер. Там не ловит сеть и нет Wi-Fi, так что я не дождусь от нее сообщения, что «все будет хорошо». Конечно, если бы я могла связаться с ней в начале лета, то, может, и не была бы сейчас в такой ситуации. А по старинке писать письмо от руки – как винтажнo и ностальгично! – глупая затея, когда в таком эмоциональном хаосе тебе нужно сиюминутное общение с подругой.

¹ Охотиться, выслеживать.

Мы дружим с начальной школы, и я раньше никогда так подолгу не была без нее. Пока это лето служит ярким доказательством тому, что в одиночку я со своими проблемами справляться не могу. Я достала из сумки ее последнюю открытку. Внутри она нацарапала: *«Я верю, что ты со всем справишься! Твоя поездка будет офигенной!»* Эмили ставила восклицательные знаки везде и всегда. Но даже с такой позитивной пунктуацией я что-то не верила написанному. Я совсем не чувствовала себя уверенной в том, что справлюсь, и, хотя самолет еще даже не взлетел, уже ненавидела все в этой поездке.

Я глубоко вздохнула, досчитала до трех, выдохнула. *У меня получится.* Не хочу подвести Эмили и родителей.

В паре рядов от меня Мириам стала смеяться, запрокинув голову, будто Коннор рассказал ей самую смешную в мире шутку. Она игриво ударила его по груди своей крохотной ручкой. Все в ней такое миниатюрное. Она всем говорит, что у нее рост полтора метра, но там едва метр двадцать пять. Рядом с Коннором она смотрится нелепо. Он может посадить ее в рюкзак и таскать вокруг, как чихуахуа.

Признаюсь, если не считать ее жуткую миниатюрность, Мириам симпатичная. Ее длинные темные волосы выглядят прямо как в рекламе шампуня. Единственный недостаток – слишком яркая подводка. Она помешана на придании своим глазам формы кошачьего глаза. Мириам склонна к драме: всегда делает широкие движения, размахивая руками, отки-

дывает волосы через плечо, болтает так громко, будто пытается заставить всех вокруг слушать ее. Она ходила в театральный кружок – может, это стало привычкой.

Никогда бы не подумала, что Коннор будет встречаться с кем-то похожим на нее – таким же показушным. Мне казалось, что ему иногда нравится молчать, а когда мы говорили, то это было о важных вещах: философия, наука, политика. Один раз утром мы встретились в кофейне и читали *The Globe and Mail*, молча передавая статьи друг другу. Он единственный, кроме меня самой, кому нравится читать газеты. Я поймала взглядом наше отражение в окне и подумала, что мы выглядим как взрослые. Те взрослые из Нью-Йорка или Торонто, с важными профессиями, пафосными квартирами из стекла и металла, с пропусками в местные галереи.

У Мириам отсутствовал переключатель громкости, но она не была глупой. Я ее не особо хорошо знаю – она тусит с театрами, – но не подумала бы, что ей нравится Коннор. В моем воображении ей бы встречаться с парнем с серьгой в ухе, который ратует за социальную справедливость. Он не учит точные науки, но ходит на несколько курсов с углубленным изучением. А она написала реферат по Шекспиру и получила за него награду для Литературных Зануд. Неудивительно, что мне хотелось ее прикончить.

Я вздохнула. Я не хотела ее убивать, я хотела *быть* ею. Мириам не украли Коннора – нельзя украсть то, чего у тебя нет. А он не кинул меня, влюбившись в нее. То, что слу-

чилось между нами, было сложным. Сложнее, чем я готова признать. У него имелись свои причины на то, чтобы разбить мне сердце. Так что если я и замочу кого-нибудь, то это будет он. Но неважно, кого я виню в произошедшем, это не меняет одного пренеприятнейшего факта: несколько недель мне придется терпеть, как они целуются, где бы ни находились. Я потрясла головой, вытряхивая эту картину из головы. Все напоминают мне: это займет лишь шестнадцать дней.

Самое худшее во всем этом – я умоляла разрешить мне поехать. Предложила родителям, если отпустят, больше никогда не дарить мне подарки. Как только Коннор сказал, что едет, – до того, как кинул меня, – я немедленно стала мечтать, как мы будем гулять по узким мощеным улочкам рука об руку. Поездка рекламировалась как «образовательная», но, на мой взгляд, это было не совсем так. Нам обещали, что там мы будем «открыты» культуре (звучит так, будто это что-то заразное). Но меня особо не волновали ни поездка, ни то, что я могу увидеть в Лондоне; меня интересовал *он*. Я не желала разлучаться на три недели и не хотела, чтобы он ехал куда-то один. Я представляла, как, вернувшись в школу в сентябре, постоянно напоминаю ему: «А помнишь, когда мы были в Лондоне...», – пока это не достанет всех вокруг.

Сейчас я понимаю: он хотел поехать, думая, что я не еду с ним. Записался в группу, даже не обсудив, сообщив мне об этом уже по факту. Я упрашивала родителей несколько дней: ни разу не упомянула, что хочу поехать из-за Коннора, зато

давила на то, как здорово будет расширить горизонты, как хорошо это будет смотреться в моем резюме для колледжа и как интересна британская история. Они наконец поддались.

Когда мы с Коннором разошлись, я просила родителей все отменить, но тут их было не переубедить. Они настаивали, что это не из-за предоплаты, а из принципа. Папа сказал, что представился хороший шанс «укрепить характер». Ему всегда казалось, что Коннор меня не стоит. Он также язвительно отметил неправильный прикус парня, а из уст стоматолога это звучало как серьезное оскорбление.

Мама же пренебрежительно шмыгнула носом и сказала, что из-за таких, как он, «не стоит даже переживать». Она вела себя так, будто он ей никогда не нравился, хотя радовалась, когда я впервые сказала ей, что мы встречаемся. Она сама в моем возрасте влюблялась в таких, и именно такие парни, как ей казалось, не должны были замечать существование ее неловкой дочери. Она посмотрела на меня тогда по-другому, будто ее гадкий утенок наконец стал похожим на лебедя. Мы пошли вместе по магазинам и сделали одинаковый маникюр, покрасив ногти в ярко-розовый. До этой пары недель мы никогда так хорошо не ладили.

Когда мы разошлись, мама вела себя так, будто это ее оскорбили. Хоть она и сказала, что поездка – это шанс повидать мир, она также хотела, чтобы я, наподобие ей самой, высоко держала голову в этой ситуации. Конечно, я хотела бы стать таким человеком, который всю наслаждается ми-

ром, несмотря на разрыв, и заводит новых крутых друзей. А еще таким, о разрыве с которым потом жутко сожалеют.

Ну, раз уж я мечтаю, то к этой фантазии можно добавить приглашение к королеве во дворец, где Уилл и Кейт попросят меня посидеть с их ребенком, а Гарри и Меган попробуют свести меня с каким-нибудь мелким графом или герцогом. Хотя на самом деле следующие пару недель будут отстойными.

Я буду пристегнута без шанса сбежать, и весь полет придется наблюдать, как даже на жутких сиденьях эконом-класса Коннор и Меган не отлипают друг от друга ни на секунду. Я крепко зажмурилась, будто могла таким образом выкинуть эту кошмарную мысль из головы. С тех пор как мы зарегистрировались на рейс и узнали свои места, я уже тысячу раз сказала себе, что справлюсь с этим. Но с каждой проходящей секундой становилось яснее, что ничего не выйдет. Я взорвусь где-нибудь в десяти километрах от земли и побью их одним из журналов, услужливо предоставленных авиакомпанией.

Или снова начну рыдать. Не знаю даже, что хуже. Казалось бы, сколько человек может плакать – пока в нем не закончится вода? Почему, даже сказав себе, что терпеть его не могу, я чувствую, как в присутствии этого парня сердце будто разрывается?

Я встала так резко, что сумка свалилась на пол. Подхватив ее, я направилась к стойке регистрации. Девушка-ад-

министратор не обратила на меня внимания и продолжила печатать на компьютере, клацая по клавиатуре своими ярко-красными ногтями. Я прокашлялась, но она продолжала печатать, игнорируя меня.

– Извините... – выдавила я из себя, но она подняла палец, дав мне знак помолчать.

Наконец девушка закончила и посмотрела на меня.

– Если хочешь узнать про время взлета, то я ничего не могу сказать. Мы начнем посадку как только получим разрешение. – Ее макияж смазался; подозреваю, что нервы у нее были на пределе. Одним своим видом девушка говорила: никогда не работай в сфере услуг!

– Скажите, можно ли поменять место в самолете? – Я наклонилась ближе к ней, хоть и понимала, что Коннор никак не услышит меня со своего места.

Ее лицо скривилось.

– Не думаю, что...

– Видите там парня? – Я кивнула головой в сторону Коннора. – Это мой бывший. Мы вместе летим в Лондон по образовательной программе, и я буду сидеть прямо за ним, – я выдержала паузу, – девять часов.

Ее брови домиком взлетели высоко на лоб, и она заглянула за мое плечо. Возможно, у меня и получится достучаться до нее.

– Он был моим первым парнем, – у меня внезапно сел голос, но я сдержалась, – и он бросил меня пару недель назад.

– Прости, но... – Глаза администратора потеплели, но она покачала головой.

– Это его новая девушка. Мы были лучшими подругами.

Она удивленно вздохнула и посмотрела на Коннора так, будто он жвачка, прилипшая к подошве ее туфли. Мне даже стало немного стыдно, когда я это сказала. Мы с Мириам никогда не общались до этой поездки и уж точно никогда не были подругами, тем более лучшими. Но я должна была убедить менеджера помочь мне, так что на войне как на войне.

Я никогда не вру, чтобы ранить кого-то или подшутить, но иногда выдумываю истории, чтобы... сделать себя более интересной в глазах других. Я всегда так делала. В младшей школе я сказала одноклассникам на площадке, что у меня в саду живут феи. Когда была постарше, соврала, что меня удочерили. Я не хотела врать: просто мечтала быть интересной, но никогда такой не являлась.

Коннору же я не врала, всегда старалась честно рассказывать о своих чувствах. И вот как все обернулось.

– Имя? – заклацала по клавиатуре администратор.

– Ким. Ким Майер, – сказала я и повторила фамилию по буквам.

– Мне нужен твой старый посадочный талон.

Я протянула ей мятую бумажку, и она порвала ее пополам. Мой новый талон как раз уже напечатался, и девушка передала мне его, подмигнув.

– Он тебя не стоит. Хорошего полета.

– Спасибо, – выдохнула я и сразу почувствовала облегчение.

Я прошла через толпу и плюхнулась обратно на свое место. Отложив уже прочитанную *The New York Times*, я вытащила из сумки журнал и спрятала лицо в его страницах, не давая слезам подступить. Администратор сказала правду: Коннор меня не стоит. То же самое говорила и Эмили. Но даже если я понимаю, что это так, легче не становится. Мне остается только заставить сердце принять тот факт, что в голове я его уже не люблю.

Через разделявшие нас несколько мест ко мне пересела девушка.

– Она сказала что-нибудь про взлет? – С ее британским акцентом мне показалось, что мы находимся на съемках какой-нибудь исторической картины на ВВС.

– Никаких новостей. – Я потрясла головой и незаметно смахнула слезы.

Она вздохнула, подтянула ноги к груди и обвила их руками. Затем натянула рукава своего кремового кашемирового свитера до самых пальцев и взглянула на газеты рядом со мной.

– Твоя «Таймс»?

Я кивнула.

– Ты читала об изменениях в сфере космонавтики? Утром видела статью.

Я чуть не подскочила от удивления. Девушка казалась од-

ной из тех, кто всегда следит за миром моды и не отличит шаттл от ракеты, даже если один из них врежется в нее. Я стала листать газету в поисках научной колонки.

– Вот что мне нравится в газетах: никогда не знаешь, что найдешь. Прямо как с пасхальными яйцами².

Я кивала как китайский болванчик. Ведь это именно то, почему мне тоже нравилось читать прессу.

– Ага. Любишь космос?

– Просто интересно, – пожала она плечами.

– Меня зовут Ким. – Я протянула ей руку.

– Никки. – Она улыбнулась и ответила на рукопожатие. – Почему ты не тусишь со своей группой? – Девушка указала на ребят в отдалении.

Наша группа состояла из восьми человек. Некоторые из них сейчас достали карты и играли на ковре, другие сгруппировались вокруг ноутбука Джамала, слушая его музыку.

– А как ты узнала... – начала я, но она тут же дернула привязанную к моему багажу сине-белую бирку «Студенты по обмену», о которой я совсем забыла. – Я не особо общаюсь с ними. И нас только трое из одной школы, но тут все сложно.

– История моей жизни, – кивнула Никки. – Я навещала здесь отца, который не живет в Лондоне со мной и мамой, так что все тоже сложно. – Она убрала челку за ухо, но та

² В некоторых англоязычных странах существует такая традиция, как поиск пасхальных яиц в саду. Взрослые прячут по периметру сада шоколадные яйца, чтобы дети могли их отыскать.

была довольно короткая и упала обратно на лицо. – Прости, что ною. Люди просто... фу. Не знаю. Разочаровывают. – И она снова попыталась убрать волосы за ухо.

– История моей жизни, – повторила я за ней. Она засмеялась, и звуке смех напомнил мне звучание пианино.

Никки указала на мой журнал по робототехнике и поинтересовалась, буду ли я изучать это в университете.

– Не уверена, – покачала я головой, – скорее, выберу инженерное направление или программирование.

Из динамиков загромыхало объявление о рейсе в Феникс. Никки подождала, пока оно закончится.

– Я думаю поступать на психологию. Мне интересны исследования в этой сфере. А этот год я пропустила. – Она замолчала, наблюдая за ребенком, который достал козявку из носа и втер ее себе в волосы.

– Какие исследования?

– О бихевиоризме. Я не собираюсь консультировать людей: если они будут болтать весь день о своих проблемах, можно просто чокнуться. Но мне интересно, почему люди совершают или не совершают различные поступки, чего они могут добиться в жизни и все такое.

Носком кроссовка я вырисовывала узоры на ковре. Самая большая загадка в моей жизни – это поведение других людей.

– Если когда-нибудь поймешь их, ты должна будешь мне все рассказать. Я понимаю математику, но вот люди сбивают

с толку больше, чем квантовая механика. Лучше уж иметь дело с роботами.

– Не сдавайся, – засмеялась она, – может, ты просто пока не встретила того, кого действительно хотела бы понять.

Внезапно ожили динамики: «Внимание пассажирам на рейс Эйр Канада 854 до Лондона. Из-за технических неполадок рейс откладывается на более позднее время. Принесим свои извинения за доставленные неудобства». По толпе пронесся гул неодобрения. На экране загорелось новое время вылета: через три часа.

Коннор встал и потянулся.

– Кто хочет найти, где посмотреть футбол?

Наша группа начала собирать вещи. Он для них был как Нильс с дудочкой для зануд: все хотели следовать за ним.

Мириам подошла ко мне.

– Ты пойдешь? – спросила она. Ее ноги выглядели такими худыми, что даже леггинсы размера XS их не облегали. Она, наверное, закупается в детском отделе.

– Нет, спасибо, – выдавила я, желая, чтобы она просто ушла. Ну, или исчезла – почему бы и нет?

– Ты же не собираешься сидеть здесь все три часа? Давай закажем картошку фри или еще что-нибудь. Будет весело! – Она легонько толкнула мой кроссовок своим.

– Мне и тут хорошо, – настаивала я. Слова «весело» вообще не было среди тех, которыми я бы описала эту ситуацию. Коннор не хотел иметь со мной ничего общего. Более того,

он завел новую девушку сразу после разрыва, а я застряла тут с ними на всю поездку. И последним куском всего этого дерьма стало ее дружеское отношение ко мне. Не знаю, что Коннор рассказывал ей про нас, и даже не знаю, какой вариант оказался бы лучше: чтобы она знала и жалела меня или чтобы он вообще не упоминал про меня, потому что я ничего для него не значу. Я сгорбилась, сползая вниз.

– Да оставь ее, не хочет она идти! – Подошел Коннор и взял Мириам под руку, даже не глядя на меня. – Нам и без ее недовольного лица будет хорошо.

Я покраснела. Он прав, я была черным облаком негатива. Не потрудилась даже познакомиться с остальными ребятами в группе и теперь выглядела жалкой и одинокой.

– Боже, ну и задрот! – громко сказала Никки. Я не особо поняла, как это относится к делу, но прозвучало одновременно смешно и оскорбительно. Я захохотала.

Коннор и Мириам ушли по коридору, остальные последовали за ними. Коннор взглянул на нас через плечо, но тут же отвернулся, поняв, что мы все еще смотрим на них.

Мои легкие наполнились воздухом, и я почувствовала себя как огромный воздушный шар, готовый взлететь.

– Не знаю точно, что это значит, но ты сейчас мой самый любимый человек на планете, – призналась я.

Не считая лучшей подруги, конечно, – но до нее я дозвониться не могла, а Никки была рядом.

– Да он просто неудачник! – Никки встала и потянула ме-

ня за собой. – Точно говорю, ведь я изучаю людей. Так что сейчас ты подтвердишь мою теорию рассказами о нем и развлекая меня следующую пару часов.

– Как мне тебя развлекать?

По лицу Никки расплзлась улыбка.

– Мы умные, придумаем что-нибудь.

Два

Пятнадцатое августа

Осталось 16 дней

Никки резко остановилась у магазина дьюти-фри, и я едва не врезалась в нее сзади. Она будто зачарованная глядела, как яркий свет магазина отражается от радужных бутылочек с духами.

– Давай зайдем сюда, – предложила она.

– У них вряд ли есть жвачка. Зато чуть подальше есть другой магазин. – Я указала на него пальцем, но она уже стала пробираться между рядов с товарами, хватая по пути самые разные вещи. Там был плюшевый медведь с сатиновым сердцем, огромная упаковка «Тоблерона», коробка с солеными ирисками в пастельных тонах – она тщательно осматривала каждый предмет и затем клала на место. Я плелась за ней.

У меня во рту все еще горело от перчиков халапеньо, которые мы ели на обед. Никки заявила, что яйца по-мексикански – это лучшее блюдо перед долгим перелетом. Она утверждала, что смесь протеина, содержащегося в яйцах, сыра и

острого соуса сальса способствует крепкому сну в самолете. На мое замечание, что в меню такого блюда нет, она лишь подняла одну из своих идеально выщипанных бровей и сказала:

– Только лохи заказывают блюда из меню.

Когда к нам подошел официант, она включила все свое обаяние, и не успела я и глазом моргнуть, как перед нами очутились две тарелки со спецзаказом. Она оказалась права – мне действительно захотелось спать после такого плотного обеда.

Никки схватила с полки плюшевую зебру и крепко обняла ее.

– Смотрю на все эти игрушки и жалею, что у меня нет брата или сестры. Дай-ка догадаюсь: ты тоже единственный ребенок в семье?

Я от удивления открыла рот.

– Как ты?..

– Такие дети отличаются от других. Они лучше переживают одиночество, независимы и без особого труда справляются со своими проблемами. Этому посвящена куча исследований. Я все поняла по тому, как ты разговариваешь: ты совсем как я.

Технически я была совсем не как она. Я даже не знаю обычно, что отвечать на вопросы о братьях и сестрах. «Полдюжины замороженных!» – кажется слишком странным ответом и требует разъяснения. А ответ «Я одна» будет ложью,

ведь мои родители сохранили эмбрионы в криогенной заморозке. Они все – мои братья и сестры, просто пока в шкафу в медицинской лаборатории.

Мои родители не могли завести ребенка. А благодаря тому, что мама уже тогда была блогером, весь мир знал об их проблемах с зачатием. Наконец после трех сеансов ЭКО появилась я. В своем блоге мама звала меня ЧМК – Чудо Малышка Ким, – как она говорила, «чтобы сохранить конфиденциальность». Но о какой конфиденциальности может идти речь, когда она публиковала в сети каждый этап моего развития?

В интернете до сих пор есть фотография, где трехлетняя я в тиаре и огромных пушистых розовых тапочках сижу на унитазе, с подписью «ЧМК наконец-то освоила туалет!» Это «наконец-то» – замечательный штрих, ведь что может быть лучше ситуации, когда люди в интернете знают о твоём замедленном развитии в сфере личной гигиены? Не нужно обладать интеллектом гения, чтобы понять, кто такая ЧМК, глядя на мамин блог. По правде говоря, ей совершенно безразлично мое мнение о нём. Её больше волнуют все те люди, которые читают этот блог и называют её «лучшей мамой на свете» в комментариях.

В тот год, когда мне исполнилось десять лет, мама написала длиннющий пост, осведомляя свой легион фанатов, что они с папой официально прекращают пытаться завести детей. Мол, они устали от безостановочных сессий искусствен-

ного оплодотворения. Видимо, матушка Природа не собиралась дарить моей маме ту жизнь, которую она так хотела: с минивеном и способностью соорудить что-то из конструктора Лего, одновременно готовя здоровый ужин для большой счастливой семьи. И хотя мама хотела сфокусироваться на своем счастье («Красавица ЧМК!»), она все же горевала по несбыточным мечтам и писала, что всегда будет думать о тех замороженных эмбрионах как о своих детях. Онлайн-газета *The Huffington Post* опубликовала мамин пост на своем сайте. Это стало одной из их самых популярных и скачиваемых статей; они каждый год поднимают эту запись на День Матери.

Примерно в это время я начала осознавать, что являюсь для мамы сплошным разочарованием. Когда она представляла себе детей, то никто из них не был как я. Ей хотелось послушную дочку, играющую в куклы и тайком ворующую мамину косметику. Моя же любовь к коротким волосам без колтунов, страсть к чтению книг и постройке крепостей из одеял ставили ее в тупик. Почему я не прыгала через скакалку с другими девочками? Почему не давала ей делать мне сложные прически, как у диснеевских принцесс? Почему я совсем не похожа на нее? Как ей быть экспертом в материнстве, когда ее собственная дочь такая... неуклюжая?

Она была одной из первых мамочек-блогерш. Тысячи людей все еще ежедневно читают ее блог. Они оставляют комментарии под ее рецептами («Супервкусные обеды в паро-

варке») и обзорами товаров для детей («Коляски этой фирмы действительно того стоят!»). А она пишет о том, как материнство может быть тяжелым и разочаровывающим, но это не значит, что стоит опускать руки. Так она пытается убедить в этом саму себя, это же очевидно. Я уверена: мама любит меня. Но не уверена, что нравлюсь ей. Наверное, будь у нее больше детей, все было бы иначе. Но мы это вряд ли узнаем.

Никки понюхала один из флакончиков с духами и брызнула ими себе на руку. Я наклонилась к ней.

– Хорошо пахнут, – оценила я, но она уже перешла к следующему стеллажу, где стояли бутылки с водкой.

– Хочешь, возьмем с собой в полет?

Я скрестила руки на груди.

– Не думаю, что тебе удастся уговорить их продать тебе водку.

– А кто говорит о продаже? – подмигнула она. Я заметила у нее на глазах блестящие тени.

Мое сердце забилось быстрее. Я оглянулась по сторонам, не подслушивает ли кто, и спросила шепотом:

– Ты собираешься украсть ее?

– Нет, *мы* собираемся украсть ее, – ответила она с озорным блеском в глазах. – Никто и никогда не будет подозревать хорошо одетую девочку с английским акцентом. Они думают, я слишком пафосная, чтобы опуститься до воровства.

Мне стало трудно дышать. Но я-то наверняка не выгляжу

слишком пафосной, так что меня запросто арестуют.

– Не знаю даже...

– Выбор за тобой.

У входа в магазин две продавщицы спорили о прелестях Райана Рейнольдса, и их голоса казались мне слишком громкими. Я нервно закусила губу.

– А что будет, если нас поймают?

Никки улыбнулась как Гринч.

– Будет плохо. Именно поэтому мы сделаем так, чтобы нас не поймали. – Она незаметно указала на полки с алкоголем. – Они все еще не установили защиту от воровства, и я не вижу тут никаких камер.

Она была права. На других бутылках блестели черные пластиковые диски-сигнализации, а на водке их не было. На плечах у меня будто сидели ангел и демон: один советовал мне быть хорошей девочкой и пойти в соседний магазин за жвачкой, а второй убеждал, что иногда в жизни стоит и рискнуть. Куда меня привела эта правильная жизнь? К тому, что я хотела стать кем-то другим. Может, чтобы измениться, стоит взять все в свои руки и начать рисковать, как Никки?

– Какой план? – прошептала я.

– Когда настанет нужный момент, хватай ближайшую бутылку и клади ее себе в сумку.

– А как я узнаю, какой из моментов – нужный?

– Узнаешь, ты же умная. – Никки повернулась обратно к полкам с духами и взяла оттуда маленький флакон. – Моей

маме нравятся эти духи, так что я пока пойду узнаю цену на них.

Она сделала лишь пару шагов, как вдруг ее нога зацепилась за ремешок одной из ярких сумок с надписью «CANADA FOREVER», лежащих на полу. Я попыталась ее предостеречь, но Никки уже падала с громким выкриком «Уф!». Флакон со звоном разбился о пол, и в воздухе разлился цитрусово-мускусный аромат. Продавщицы немедленно подлетели к Никки.

Я уже почти ринулась на помощь, как внезапно поняла: это оно! Моя рука дернулась к желаемой бутылке и закинула ее в сумку, прикрывая сверху локтем. Вот теперь можно было подойти к Никки, хотя сердце все еще билось как бешеное.

– Ты в порядке? – Удивительно, но мой голос даже не дрожал от напряжения, наполнявшего все тело.

– В порядке... кажется. – Никки посмотрела вниз на разбитый флакончик и ее глаза распахнулись. – О боже, мне так жаль!

– Вы должны заплатить за эти духи, – высокая продавщица указала на висящую у входа табличку «Сломал – придется покупать».

Никки выпрямилась.

– Но это произошло не по моей вине! Я споткнулась о ваши сумки, валяющиеся по всему полу.

Продавщица негодуя поджала губы в тонкую линию.

– Если вы не заплатите, мы будем вынуждены позвать нашего менеджера.

Меня окатило волной паники. Нужно было что-то делать. Я пнула сумки на полу.

– Давайте, зовите менеджера. Если бы вы не были так заняты болтовней и вместо этого убрали весь этот беспорядок, то ничего бы не случилось. И к слову – если она получила травму, то в этом виноваты вы. Мой папа работает адвокатом и постоянно сталкивается с такими вещами. – Я пожалела об этих словах, как только произнесла их. Надеюсь, это поможет, потому что на самом деле мой папа простой стоматолог, а все знания о судебном деле я почерпнула из передач по телику, которые смотрю, пока лежу дома с температурой.

– Хм, да, у меня спина побаливает, – Никки чуть улыбнулась и потерла спину, – я ведь довольно сильно ударилась.

Высокая продавщица выглядела так, будто с удовольствием добила бы Никки, но вторая, пониже и с тысячей тонких косичек на голове, успокаивающе положила ей руку на плечо.

– Мы очень сожалеем, что вы упали.

Девушка встретилась с ней взглядом:

– И мне жаль, что флакон разбился.

– Ну что ж, почему бы нам тогда не разойтись по-дружески? – Сотрудница магазина улыбнулась, показывая белоснежные зубы. Напряжение стало спадать.

– Вы уверены? – спросила Никки, хлопая глазами как пер-

сонаж из аниме. Получив подтверждение, она потянула меня за собой. – Пойдем, а то на самолет опоздаем.

Я важно кивнула, будто меня действительно волновало время отлета. Когда мы выходили, мои нервы были на пределе – я ожидала вопля сигнализации. Но ничего не произошло.

Никки сжала мой локоть.

– Не оборачивайся. Только провинившиеся смотрят назад.

Адреналин, командуемый мной еще минуту назад, постепенно отпускал. Я чувствовала головокружение. Казалось, будто сумка весит тонну, а у каждого проходящего мимо есть рентгеновское зрение, так что все они видят ее содержимое и готовы разоблачить меня. Никки словно почуяла мои мысли и потянула меня за собой к залу ожидания. Мы плюхнулись на кресла и засмеялись.

– Не верится, что я сделала это! – Я открыла свою сумку, даже не рассчитывая увидеть там бутылку, будто это все было моим буйным воображением. Но водка оказалась на месте. Я взглянула на Никки: интересно, ее впечатлил мой поступок?

– Стоило, конечно, спереть джин, раз уж мы летим в Лондон, – сообщила она. – Но что есть, то есть. Ты была прекрасна, а когда сказала им, что я могу их засудить, мне хотелось аплодировать!

– Да ты шутишь? – Я покачала головой. – Я хотела просто

смыться оттуда. Думала, что с ума сойду.

– Но ведь не сошла, – засмеялась Никки. – Когда ты в чем-то хорош, ты просто двигаешься вперед, в отличие от других. Даже если это страшно и трудно.

– Я слабачка и всего боюсь, – улыбнулась я.

– Чего, например?

– О, да тут список на километр. – Я закатила глаза. – Во-первых, я до ужаса боюсь высоты. Даже не езжу к дедушке и бабушке в Майами, потому что они живут на двадцатом этаже. А если мне страшно, я просто сбегаю. Я не езжу кататься на лыжах, на лодках, никуда, где могут водиться пауки, и всегда дрожу перед походом к стоматологу, хотя мой папа там работает.

– Ну, страх стоматологов я еще могу понять, но вот высота... – Никки сморщила нос и засмеялась. – Если уж чего-то боишься, то пусть это будет что-то стоящее. Ты боялась украсть алкоголь и все равно украла. В этом вся разница между обычными людьми и особенными. Особенным тоже может быть страшно, но они всегда доводят дело до конца.

Я подняла голову. Стыд за кражу стал смешиваться с гордостью за эту авантюру. Мне хотелось хвастаться и извиняться одновременно. Но больше всего хотелось, чтобы она продолжала говорить.

– Все еще не могу поверить, – сказала я. Обычно я не делаю таких вещей, и мне казалось важным, чтобы Никки поняла это. Да я вообще никогда не совершала ничего предо-

судительного! Но больше не хотела быть такой.

Никки закинула мне руку на плечо и слегка приобняла.

– Только подумай. Мне очень интересно, чего ты можешь достичь, если прекратишь волноваться. Ведь все великие свершения начинаются с решительности и настойчивости. Ну, а если жизнь дает тебе возможность, не тормози, – Никки хитро улыбнулась, – а то поставят сигнализацию от воров.

Я сохранила эти слова в своей памяти. Ее совет показался мне чрезвычайно важным – не потому, что я хотела стать королевой преступного мира, ведь мне все еще было стыдно за украденную бутылку. А потому, что совершить нечто подобное разок оказалось приятно – на какое-то время стать как Никки: смелой, дерзкой, осознающей свой смысл жизни. Во всех брошюрах «Студентов по обмену» постоянно писали про важность путешествий для развития личности. Сначала я думала, что это просто бред, чтобы нас привлечь. Как смена локации может повлиять на тебя? Но, возможно, они были правы и я правда смогу измениться. Я уже представляла себе мамино одобрение... и посвященный этому пост в ее блоге.

Над нашими головами закрипел динамик, и объявили о начале посадки на наш рейс. Я не могла поверить, что три часа пролетели так быстро. Я показала Никки на бутылку водки:

– Возьмешь себе?

– Нет, ты бери. Хоть я и не знаю всей истории с тем пар-

нем из твоей группы, но что-то мне подсказывает, что тебе алкоголь нужнее. – Вздохнув, она поднялась. – Ладно, пора идти. И я все еще хочу купить жвачку.

Я коснулась ее руки.

– Спасибо тебе. Я реально дерьмово себя чувствовала.

– Для этого и есть друзья! – Она чуть ткнула меня вбок, будто удивляясь моей наивности.

– Ну, тогда я рада, что стала твоей подружкой всего за пару часов.

Никки улыбнулась.

– Ты так и не поняла? Я решила стать твоей подружкой сразу после встречи с тобой.

Три

Пятнадцатое августа

Осталось 16 дней

Как только стюардессы забрали у всех подносы из-под обеда и приглушили свет в салоне, большинство пассажиров уснули. Кто-то достал те самые подушки, набитые гречкой, которые частенько берут с собой в самолеты. Один парень в обтягивающей футболке с Дартом Вейдером, сидящий передо мной, уже всю храпел. Или захлебывался слюной. Тяжело сказать судя по тем звукам, которые он издавал.

Прислонившись лбом к окну, я старалась разглядеть что-нибудь в темноте за бортом, но могла различить лишь собственное отражение. Когда самолет оказался в тысячах километров над землей, мне показалось, что мы находимся глубоко под водой. Вокруг были лишь холод и темнота. И еще я не могла уснуть, несмотря на поздний час и ровный шум двигателей.

– Ого, у тебя целый ряд свободен!

Я подскочила от удивления. Никки уселась с краю и заки-

нула ноги в пушистых голубых носках на свободное место между нами.

– А я сижу рядом с какой-то старушкой, – прошептала она, – которая пахнет молью и жирными бургерами.

– А где твое место? – Я не видела Никки с того момента, как мы взлетели.

– В начале, на другой стороне. Не можешь заснуть?

– У тебя когда-нибудь бывает такое, когда ты не можешь выключить мозг? – Я натянула рукава кофты до кончиков пальцев и тоже закинула ноги на сиденье, подражая Никки.

– Да, все время. Ученые доказали, что чем выше уровень интеллекта, тем больше вероятность бессонницы.

– Правда? – воскликнула я. Это объяснило бы все мои бессонные ночи.

Никки ухмыльнулась:

– Без понятия, только что придумала. Но чувствую, что это должно быть правдой. – Она устало потерла виски. – Я тоже не могу уснуть, вот и пришла к тебе за помощью.

– Ко мне?

– Ну, к твоей водке.

Я захихикала.

– Ты хочешь пить здесь? – Быстро взглянув по сторонам, я убедилась, что никого рядом нет.

– Пока мы тихо себя ведем – остальным все равно, чем мы тут занимаемся. Ты будешь?

Вместо ответа я нырнула под сиденье за сумкой и достала

оттуда бутылку с видом фокусника, вытаскивающего кролика из шляпы. Никки тихо захлопала.

После первых двух глотков водка напомнила мне бензин, буквально прожигающий себе дорогу по моему желудку, но затем стало привычнее. Мы обсуждали все и ничего: я показывала ей фотографии своих роботов в соцсетях, а она рассказывала, как ненавидит развод своих родителей и новую девушку отца. Я тоже поделилась подробностями истории про Коннора.

– погоди, – отвлеклась от бутылки Никки, – он попросил тебя выйти из научного соревнования, чтобы победить самому?

– Хуже. – Я закрыла глаза, будто это могло помочь мне обо всем забыть. Язык уже немного заплетался, так что стоило быть поосторожнее. – Он не просил. Я сама ушла: сказала им, что не хочу больше участвовать. Я знала, что они наградят его вместо меня.

– Зачем ты так? – сморщила нос Никки.

– Думала, он полюбит меня за это. – Вслух все звучало еще более жалко, и я вздохнула.

Тогда все казалось таким очевидным. Когда я получила письмо с результатами соревнования, то сразу же пошла к нему. Думала, Коннор будет рад за меня – он ведь знал, как много времени я потратила на свой квадрокоптер. А с ним на втором месте мы были бы элитой всех школ в западной Канаде.

Как только Коннор открыл мне дверь, я показала ему распечатанное письмо, радостно закричала и кинулась, чтобы его обнять. Но тут же поняла: что-то не так. Он был будто деревянный – хоть и обнял меня в ответ, своим видом больше напоминал безжизненную статую.

– В чем дело?

– Все окей. – Он стряхнул с себя мои руки, будто ему было неприятно. – Поздравляю.

Мне очень хотелось снова дотронуться до него.

– Мистер Шмидт с ума сойдет от счастья. У него студенты никогда не занимали первых мест, а в этом году мы с тобой вдвоем лидируем!

– Ага, – он спрятал руки в карманах, – тебе не обязательно было приходить сюда. Они и мне письмо прислали.

Все шло совсем не так, как я себе представляла. У меня скрутило живот. Хотя волноваться вроде было не о чем, я видела, что он избегает смотреть мне в глаза.

– Ты злишься, что я победила?

– Конечно же нет, – он посмотрел на улицу за моей спиной, будто ожидая внезапного спасения от этого разговора, – просто надеялся упомянуть победу в этом конкурсе в письмах для колледжей.

– Ты все еще можешь упомянуть второе место.

– Ага, конечно. Слушай, я обещал помочь маме, так что мне нужно идти.

– Могу составить компанию. Я сильнее, чем кажусь.

– Не стоит, – отказался он. – Увидимся завтра.

Я не хотела прощаться так скоро и уже была готова удерживать дверь, когда он начал ее закрывать.

– Если хочешь, я могу помочь тебе с сочинениями для колледжей! У меня хорошо получается.

– Не надо, сам справлюсь.

– Или ты можешь сам их написать, а я помогу откорректировать. Я просто ниндзя в грамматике, сам знаешь! – Шутка не сработала. Я вдруг поняла, что нервно выкручиваю руки, и заставила себя прекратить. Надо было еще прекратить болтать, но слова сами вырывались у меня изо рта.

– Не нужно помогать, я хотел сам этим заняться.

– Ты точно не злишься? – Я подошла поближе, но он отступил.

– Я не злюсь, это просто стресс. Мы скоро будем в выпускном классе, и вообще. Скоро я об этом забуду.

Но я боялась, что он не забудет, и убедила себя в том, что мне не нужна пафосная деревянная табличка победителя – так почему бы не выйти из соревнования? Организаторы передадут первое место ему, он напишет об этом в колледжи и заодно поймет, как сильно я его люблю.

Только вот ничего не изменилось. Наоборот, наши отношения стали еще более неловкими. И на следующий день он порвал со мной.

– Дело не в тебе, а во мне. Ты мне очень нравишься, но...

Я плохо пережила этот разрыв. *Плохо – какое преуменьше-*

ние! В письме к Эмили я, видимо, казалась настолько жалкой и отчаявшейся, что она даже уговорила вожатых воспользоваться телефоном для звонка мне, хотя это строго запрещено правилами. Но ни она, ни кто-либо другой не могли заставить меня приободриться. Даже пост мамы «Как справиться с первой романтической неудачей вашего ребенка» не возымел действия. И хотя я поступила глупо, передав первое место Коннору, от моего внимания не ускользнуло то, что он не отказался от приза.

Никки хмыкнула.

– Знаю я таких парней – они используют всех вокруг и терпеть не могут, если ты умнее их.

– Не знаю даже... – Я все еще хотела защищать его, хотя и презирала себя за это.

– Хватит! – Она яростно замотала головой. – Не отмазывай его. Он просто засранец, который не смог смириться с поражением и заставил тебя жалеть о своем выигрыше. Я когда-то тоже встречалась с таким парнем. Думала, он другой, а он оказался слабаком. Он меня не заслуживал, как и этот Коннор не заслуживает тебя.

Я захихикала над ее словами. *Засранец. Засранец. Засранец.* Я сделала большой глоток водки, и она тут же согрела меня изнутри. Никки права, Коннор и правда засранец.

– Я, конечно, злюсь из-за награды, но больше всего меня бесит другое – я и подумать не могла, что он меня бросит! – Горечь правды была хуже, чем вкус алкоголя на языке. Кон-

нор оказался сволочью, а я – просто идиоткой, и больше всего я ненавидела его за то, что он раскрыл меня с этой нелестной стороны.

– Такие, как он, должны заплатить, – прорычала Никки. – Ведь если кто-то их не остановит, то они продолжат так себя вести! Тот парень, про которого я говорила... Он был женат.

– Он соврал тебе об этом? – Я задержала дыхание.

– Нет, – отмахнулась Никки, – я знала. Но он врал, что уйдет от нее. Короче, слабаки всегда будут врать, чтобы добиться своего.

Я сочувственно замычала. Никки была всего на год старше меня, но в сравнении с ней я казалась бесконечно младше, будто еще в игрушки играю. *Женатый?* Мне это казалось и противным, и одновременно в разы более интересным, чем что-либо происходящее со мной.

Мы заметили в начале ряда стюардессу, приближавшуюся с бутылкой воды и пластиковыми стаканчиками, и без слов спрятали водку под плед между нами.

– Вам что-нибудь нужно? – прошептала стюардесса, передав нам стаканчики с прохладной водой.

– Нет, спасибо. – Никки подождала, пока та не скроется из виду за плотной занавеской, и повернулась ко мне. – Терпеть не могу, когда так сильно красятся. Кого они обманывают? Ты старая, просто прими это как факт.

– А я и не заметила.

– Такие женщины напоминают мне маму, – вздохнула

Никки. – Постоянно прячут себя за косметикой, будто это какое-то шоу.

– Так ты живешь с мамой?

– Хотела остаться с отцом, но она не позволит.

Никки перевела взгляд на свои руки и начала сковыривать бледно-серый лак на ногтях.

– А разве ты не можешь жить где пожелаешь? Ты ведь уже не школьница.

– Стоит мне упомянуть об этом, как у нее начинается истерика. – Передразнивая маму, Никки заговорила выше и плаксивее: – *«О боже, я же не смогу без тебя жить! Твой отец забрал абсолютно все и теперь хочет отнять у меня дочку! Если ты уйдешь, я просто умру!»* – Никки в отвращении покачала головой. – Ну, а папа чувствует себя виноватым, поэтому говорит, что я не могу переехать. Он с ней жить не смог, а я должна?! – Ее глаза наполнились слезами.

– Эй, все будет хорошо. – Я полезла в сумку за платком и, не найдя, протянула Никки смятую салфетку из ресторана.

– Извини, – она яростно смахнула слезы и шмыгнула носом, – я ведь даже не уверена, хочу ли жить с папой в Ванкувере. Просто не хочу жить с ней. Становится только хуже: мне все время приходится убирать за ней – ее может стошнить в кровати, а она даже не проснется. И я все время извиняюсь за нее перед другими... Так что, если останусь, страдания продолжатся, а если уеду – все решат, что я ужасный человек.

– Я не думаю, что ты ужасная, – улыбнулась я. Мне было жаль ее. Хотя мама порой и выводила меня из себя, но подобных драм, больше уместных в сериалах и бульварных романах, у нас никогда не случалось.

– Спасибо. – Никки крепко сжала мою руку.

Я почувствовала, что привязываюсь к ней. С Эмили мы дружили с начальной школы, и наша дружба выстраивалась постепенно, через ночевки и разделенные на двоих секреты. Но с Никки сразу возникла какая-то связь, хотя такое сближение с людьми мне совсем не свойственно. Я всегда была одной из тех, у кого в дневнике стояли одни пятерки, изредка дополненные записями от учителей, что мне нужно больше общаться. Никки была моей противоположностью, и хотя ей тоже вроде нравилось проводить со мной время, она вряд ли обратила бы на меня внимание, улетел наш самолет вовремя.

– Клянусь, я обычно не выливаю все свои проблемы на малознакомых людей! – воскликнула Никки, и я почувствовала гордость за то, что она поделилась со мной своими проблемами. – Обещаю никому не рассказывать о Конноре, если ты никому не скажешь о моей маме.

– Разумеется, – я подняла руку, будто торжественно давала клятву, – что произошло в самолете – останется в самолете.

Никки достала из сумки блокнот и вырвала из него пару страниц, передав мне.

– Давай выпустим всю злобу. Ты делай список всего, за

что ненавидишь Коннора, а я сделаю такой же о маме. Это будет «обряд очищения».

Я откинула столик и взяла у Никки блестящую гелевую ручку, дрожа от нетерпения. Мне хотелось оставить все плохое позади, и такое задание было как нельзя кстати. Я сильно напилась – пришлось даже закрыть один глаз, чтобы сфокусироваться на странице.

Накорябав сверху «ПОЧЕМУ Я НЕНАВИЖУ КОННОРА О'РАЙЛИ» и подчеркнув название, я сказала:

– Мне понадобится больше бумаги.

Никки засмеялась.

Вся злость выливалась из меня в этот список. Я перечислила все, от его привычки слюнявить палец для переворачивания страниц в книгах (фу, как противно) до глупого рыбьего выражения лица, с которым он решал уравнения. Как только я закончила, Никки взяла у меня список и стала его читать.

– Он цитирует спортсменов? – Она поджала губы. – Боже, может, он еще и играет в эту глупую футбольную игру на телефоне, где нужно создавать собственные команды?

Я хрюкнула от смеха, представив Коннора, ежеминутно проверяющего телефон, чтобы узнать, как дела у его команд, и обсуждает это с другими ребятами. Водка попала мне в нос и я не могла вдохнуть, пока Никки не похлопала меня по спине.

– Ты права, он тот еще засранец. – У меня появилось ощу-

щение, будто с плеч упал груз последней пары недель. Коннор не стоил моих слез.

– Этот парень заслуживает смертной казни за его плохой вкус, – заявила Никки, рассмешив меня. Она указала пальцем на мой список, чтобы я добавила это.

Я нацарапала: «И ПОЧЕМУ ОН ЗАСЛУЖИВАЕТ СМЕРТИ» под основным заголовком. Затем остановилась – мама всегда говорила, что мстительность до добра не доведет. Я уже хотела зачеркнуть написанное, но Никки выдернула лист у меня из рук. Она сложила наши списки вместе и засунула их себе в сумку, прикрыв сверху руками, будто их не существует.

– Дорогая, мир будет лучше без Коннора и моей мамы. Теперь списка нет, ты можешь забыть о нем и прекратить злиться на него.

– Не позволю ему испортить мне путешествие, – сказала я низким торжественным голосом, будто давая себе обещание. Он и так испортил мне лето. Нельзя разрешать ему и дальше это делать.

– Ты хочешь, чтобы он исчез? – Голос у Никки стал очень тихим, и мне пришлось наклониться ближе, чтобы услышать ее. – У меня есть идеальное решение проблемы.

– Какой проблемы?

– Нашей. – Ее глаза блестели, как осколки разбитого стекла. – Я убиваю твоего бывшего. Ты убиваешь мою маму. Все счастливы.

Я подскочила от удивления и нервно посмотрела на нее. В ее глазах заплясали огоньки. Затем она начала хихикать, и я присоединилась к ней, облегченно смеясь.

– И мы обе получим по двадцать лет в тюрьме, – сообщила я, – спасибо, обойдусь. Я смотрела кучу документальных фильмов о тюрьме, так что знаю, я и недели там не протяну. Оранжевая униформа мне совсем не к лицу, к тому же у меня нет ни грамма сноровки.

– Но это же идеальное убийство! – Ей с трудом удалось унять смех и подмигнуть мне. – Ведь тебя с моей мамой ничего не связывает. Зачем тебе ее убивать? Нет мотива – нет повода для полиции тебя в чем-то подозревать. Большинство убийств совершаются теми, кого жертва хорошо знает. Например, – она кивнула в мою сторону, – бывшая девушка, – затем указала на себя, – или дочь, презирующая отстойного родителя.

Из-за водки я соображала очень медленно, мысли путались. Но я все же поняла ее план.

– Мы с тобой и правда незнакомцы, так что если убьем друг за друга, то нас никогда не поймают. Это на самом деле идеальное убийство. Ты – гений.

Никки картинно раскланялась и едва не упала с кресла, но я вовремя поймала ее за футболку и посадила обратно. Подняв бутылку для тоста, я поразилась, как мало осталось водки. Во рту жгло и чувствовался кислый привкус; я решила не пить больше – не хотелось, чтобы меня стошнило.

– Идея классная, но я не могу никого убить, – призналась я, протягивая ей бутылку. Она отмахнулась.

– Пару часов назад ты не думала, что можешь украсть. Ты себя просто недооцениваешь.

Я качнулась в кресле, думая над сказанным: скорее, моей самой большой проблемой были не Коннор и не моя мама, а я сама. Я убегала от всего страшного, волновалась о мнении других, старалась быть такой, какой они хотят меня видеть. Я никогда не пыталась справиться с трудностями, а потом расстраивалась, что ничего не получается. И завидовала окружающим.

Ведь я бы и в путешествие не поехала, если бы не Коннор. Эмили постоянно уговаривала меня попробовать что-то новенькое. Она хотела, чтобы я поехала с ней в лагерь, но меня напугала идея присматривать за детьми. А ей это нравилось. Если бы я поехала с ней, то ничего этого не случилось бы. Мы втюрились бы в симпатичных воспитателей и объедались бы зефирками и хот-догами.

Никки смотрела в экран на спинке переднего кресла, где шла старая серия «Теории Большого взрыва». Затем она повернулась ко мне:

– Я пойду за водой. Тебе принести?

Я кивнула. Вода и обезболивающее мне сейчас не помешали бы. Никки встала и направилась в хвост самолета, скрывшись за занавеской с грацией и быстротой фокусника.

Я вытянула ноги на освободившееся сиденье. На экране

Шелдон продолжал что-то говорить, но у меня слипались глаза.

Эта поездка и правда может пойти мне на пользу. Я вдруг почувствовала прилив сил: новое место, новая я.

Четыре

Шестнадцатое августа

Осталось 15 дней

– Пожалуйста, пристегните ремни, уберите столики и приведите спинки кресел в вертикальное положение. Мы скоро приземлимся.

Я распахнула глаза и тут же зажмурилась – от яркого солнца из окна в голове разлились волны боли. Уже знакомая стюардесса подошла ко мне, еще раз повторив что-то о приземлении. Ее красная помада расплылась по морщинкам, напоминая щупальца.

Кивнув ей и протерев руками глаза, я села на сиденье и выпрямилась. Никки не было, места рядом снова пустовали. Я даже не заметила, когда она перешла обратно на свое место. Я открыла рот и поморщилась – язык меня не слушался.

Я, должно быть, заснула.

Или попросту отрубилась.

Никогда больше не буду пить водку. Мне стоило быть умнее, ведь я не создана для пьянок. В животе урчало. Воздух

казался сухим. Вдобавок меня мучила жажда.

Еще мне хотелось найти Никки и обменяться номерами. Когда мама говорила, что вселенная дает тебе все нужное, я только отмахивалась; в этот раз она была права. Из-за Никки я начала по-другому смотреть на мир, перестала жалеть себя. Написав тот список про Коннора, я избавилась от всех ядовитых эмоций внутри. Теперь я действительно радовалась этой поездке. Стоит написать Эмили длинное письмо о том, что она оказалась права и мне удалось начать «жизнь после Коннора»; в следующем году я даже позволю ей уговорить меня вступить в какой-нибудь клуб или поехать кататься с классом на лыжах, даже несмотря на то, что я не умею этого делать. Научусь или по крайней мере попытаюсь.

Я ногой нащупала свои кеды под сиденьем и напялила их. Затем встала, потянулась, чувствуя себя необычайно легко, и посмотрела вперед на головы остальных пассажиров.

– Вернитесь на сиденье, – скомандовал стюард поблизости.

– Мне нужна вода, – прохрипела я, – и моя подруга...

– Вам нужно вернуться на сиденье, – повторил стюард тоном, говорящим, что он не побоится применить насилие, если кто-то его ослушается. Я плюхнулась обратно в кресло и пристегнулась.

Краем глаза я заметила что-то темное и повернулась к окну. Мы оказались гораздо ближе к земле, чем я думала. Через пару минут колеса со скрежетом коснулись асфальта. На

секунду мне показалось, что мы разгоняемся и вот-вот соскочим с трассы, но самолет начал тормозить.

– Дамы и господа, добро пожаловать в аэропорт Хитроу. Местное время – 10:08, температура – 15 градусов тепла. Пожалуйста, оставайтесь на своих местах с пристегнутыми ремнями безопасности, пока не погаснет табло...

Из динамиков продолжали говорить, но я не слушала – только смотрела в окно. Интересно, будет ли все выглядеть иначе... по-иностранному? Раньше я никогда не была на других материках и не знала, чего ожидать. Пока в окне виднелись только самолеты, разъезжающиеся по трассам для взлета, и снующие туда-сюда машины с багажом. Все выглядело, как в любом другом аэропорте. Но это был Лондон. Мое сердце пропустило удар от волнения.

Как только самолет остановился, все пассажиры подскочили, хватая свой багаж с полок и заполняя проходы. Когда все наконец вышли, я заспешила по коридору к таможне. Мне хотелось поскорее найти Никки. По пути я обогнала Коннора и остальных из нашей группы.

– Что за спешка, выпивка закончилась? – крикнул мне вслед Коннор, рассмешив остальных.

Я не обратила на него внимания. Обгоняя людей, которые останавливались посередине пути, уткнувшись в мобильный, и уворачиваясь от чемоданов на колесиках, я высматривала Никки, но так и не смогла найти. Я потеряла ее. Таможенный зал был заполнен. Несмотря на оглушаю-

щую смесь звуков из разных языков, все стояли аккуратными рядами, ожидая своей очереди. Я почесала шею и поняла, что мне нужен душ.

Я пинала сумку перед собой, медленно двигаясь в очереди. Нас должны были встретить у входа, чтобы отвезти в общежитие – не хоромы, зато там можно поспать. Я надеялась, что они не устроят нам никакого праздника по приезду. Хотелось только принять душ и плюхнуться на кровать.

Внезапно я заметила Никки в одной из соседних очередей. Она помахала мне рукой, и я пошла было к ней, как вдруг дорогу мне преградила охрана.

– Пожалуйста, оставайтесь в своей очереди.

– Но там моя подруга...

– Та очередь предназначена для граждан Великобритании, – последовал монотонный ответ.

– Мне просто нужно спросить у нее номер телефона.

– Только граждане Великобритании. Вы сможете поговорить с подругой после проверки.

Я вернулась обратно в очередь, гадая, как жестами объяснить Никки, чтобы ждала меня на выходе. Но вселенная развела нас в очередной раз – она уже стояла у окошка и протягивала свой паспорт. А я не знала ни ее фамилии, ни контактов.

Может, все к лучшему? У нас было мало общего. К тому же мне становилось неловко от одной мысли, что мы украли водку и пили ее всю ночь. Это ведь совсем не похоже на

меня.

И все же хорошо, что я встретила ее – хоть мы и не узнали друг друга как следует, она помогла мне кое-что понять. Я отправилась в эту поездку, потому что чувствовала стыд – не хотелось снова разочаровывать маму; теперь же все зависит от меня самой, и я не потрачу свое путешествие зря.

Пять

Шестнадцатое августа

Осталось 15 дней

Над главной лестницей в холле общежития висела здоровенная железная люстра, будто украденная из замка с привидениями. Я ожидала, что в Англии все будет старомодным – вычурные узоры в цветочек, шотландки, вещи из твида, спящие у каминов лабрадоры и строгие дворецкие, осуждающие тебя и готовые ответить на каждую прихоть одновременно. Но все оказалось не так, как я себе представляла.

Мы оставались в Метфорде – большом кирпичном здании в Южном Кенсингтоне, предназначенном для иностранных студентов. В интерьере дома странным образом смешались современное искусство и какое-то старье. Темно-зеленый ковер выглядел так, будто его постелили еще при королеве Виктории. В главном зале новая кожаная мебель соседствовала с узорчатыми креслами с подлокотниками, будто найденными на блошином рынке. Картины на стенах были явно нарисованы ребенком, страдающим от приступов

агрессии.

Я поднялась по лестнице на свой этаж и принялась пахнуть каким-то освежителем воздуха с чуть островатым цитрусовым ароматом, перекрывающим запах плесени и большого скопления людей, делящих одно пространство.

Тут же, на лестнице, я споткнулась и ухватилась за перила. Ступеньки казались очень мелкими, всякий раз хотелось шагнуть выше, чем нужно.

– Смотри, куда идешь! – сказал кто-то с сильным ирландским акцентом, обходя меня с большой корзиной одежды из стирки.

Я хотела было извиниться, но он уже ушел вперед, перешагивая через несколько ступенек за раз. Я почувствовала себя неудобно, да и смена часовых поясов реально давала о себе знать. Хотя мое тело находилось в Лондоне, сознание все еще летало где-то над Атлантическим океаном, стараясь его догнать. Я была будто оторвана от реальности.

Я почти не помнила приезд в Метфорд пару часов назад. В аэропорту нас встретила гид от «Студентов по обмену» – она должна была следить, чтобы никто из группы не потерялся и смог увидеть все культурные ценности, а позднее доказать нашим родителям информативность программы. Таша была высокой и худой, и огромное афро у нее на голове напоминало нимб. Ей было лет двадцать, она выглядела не сильно старше нас, но вела себя с уверенностью, которой мы могли только позавидовать. На ней была кожаная куртка, рваные

джинсы и, казалось, целая тысяча серебряных браслетов. По сравнению с нашей группой тинейджеров – немых, измотанных и заспанных, – она казалась сказочным созданием. Мы пялились на нее как на пришельца.

Кендра спросила, можно ли ей потрогать волосы Таши. Та отодвинулась и парировала:

– Ты стилист?

Кендра отрицательно покачала головой.

– Тогда держи руки при себе.

Я хмыкнула, чем разозлила Кендру. Потом попыталась показать ей, что смеялась не со зла, а из-за забавного ответа. На самом деле, обычно глупости делаю я, и все смеются надо мной. Но Кендра скривилась, будто съела что-то противное, всем своим видом показывая, что мне нет прощения.

Таша улыбнулась.

– Ну что ж, пошли.

Казалось, должна была наступить глубокая ночь. Вместо этого мы вышли из аэропорта к теплому солнцу, и я с удивлением осознала, что сейчас утро. Таша с легкостью, словно играя в тетрис, сложила наш багаж в автобус и велела всем держать рюкзаки на коленях.

В дороге Таша один за другим сыпала фактами о городе. Я смотрела в окно, судорожно желая запечатлеть каждую деталь происходящего. В Метфорде она заполнила бумаги, собрала наши паспорта, дала ключи от комнат и указала, где можно воспользоваться интернетом. Я уже покачивалась от

усталости, стоя над чемоданом.

– Так, народ, послушайте. – Таша захлопала в ладоши, призывая к вниманию тех, кто уже почти заснул. – Я знаю, что такая перемена во времени просто отстой, но от этого есть лишь одно лекарство – придерживаться распорядка дня. Сейчас только двенадцать. Я даю вам два часа на разбор вещей и душ. На каждом этаже есть общая ванная комната: женские на нечетных этажах, мужские на четных. На ваших ключах написан номер вашей комнаты. Приведите себя в порядок, и я буду ждать вас в библиотеке на первом этаже в два часа. – Кто-то жалобно застонал в ответ. – Давайте, соберитесь. Потом скажете мне спасибо. Если сейчас заснете, то потом всю ночь будете бодрствовать. Время пошло!

Я легла спать и проснулась за пятнадцать минут до назначенного времени, чтобы быстро принять душ и натянуть свежую одежду. Разбирать вещи я не стала – комната и на фотографии в брошюре казалась маленькой, а в реальной жизни была совсем крохотная. Внутри еле умещались односпальная кровать, стол под окном и ряд крючков и полок для одежды на стене. Даже шкафа не оказалось. На полу был потертый коричневый линолеум. Все это выглядело как типичный чердак из романов Шарлотты Бронте, где обычно держали сумасшедших родственников. Я не могла не сравнить это со своей комнатой дома: огромная кровать, целая стена книжных шкафов, огромное окно с подоконником, на котором можно читать, и толстый ковер кремового цвета, который выбрала

мама.

Почему-то это место казалось мне более подходящим для нынешнего состояния. Это напоминало кокон, из которого я должна буду выйти совершенно другой через несколько недель. Лучшей версией себя.

С моих волос все еще капала вода, когда я спустилась по лестнице в библиотеку, где члены нашей группы с видом голодных волков вгрызались в бутерброды. Взглянув на меня, Коннор крепче прижал к себе Мириам, будто боялся, что я сяду между ними. Я осмотрелась и попыталась вспомнить что-нибудь об остальных участниках программы, с которыми мы встретились пару недель назад на общем сборе.

Жасмин была высокой индианкой с острыми чертами лица и недружелюбным видом. Мне она показалась человеком, который не любит тратить время и терпение на ерунду и вечно отвечает с сарказмом. С ней болтала Кендра, выглядящая как девушка с фотографии до волшебного преобразования. Ее брови были кошмарными, а лицо казалось вечно недовольным. Хотя, вполне возможно, она действительно всегда недовольна. Я помнила только то, что она училась на одни пятерки: на встрече Кендра упомянула об этом пару миллионов раз.

Джамал постоянно находился в движении, как переевший сахара ребенок. Еще он был без ума от техники – всегда носил с собой часы Apple, телефон, планшет, фитнес-браслет и камеру, казавшуюся достаточно мощной, чтобы де-

лать снимки из космоса. Я слышала, как он говорил Софи о приложениях, которые скачал специально для этого путешествия.

Софи помахала в ответ на мою скромную улыбку. В этой девушке все было круглым и мягким. Однажды она наверняка снимет очки, распустит волосы, и все увидят, какая она на самом деле красотка. Но этот момент еще не наступил, и пока она напоминала чью-нибудь скучно одевающуюся сорокалетнюю маму из пригорода.

Я уже собиралась подойти к ней, как перед моим носом внезапно очутилась вилка с болтающимся на ней ярко-розовым мясом. Ее держал парень, сидящий поблизости, чье имя я сначала никак не могла вспомнить. Алекс! Точно.

– Как думаешь, что это? – спросил меня Алекс, сморщив нос. Он был чуть смуглым и голубоглазым, а еще высоким и худым, как палочник.

– Может, какая-нибудь оливковая колбаса? – предположила я.

Алекс продолжил смотреть на вилку с недоверием, нахмурив брови.

– Я не придираюсь. Ну, может, только чуть-чуть. Просто я аллергик.

– Никогда не слышала об аллергии на оливки.

– У меня нет аллергии на оливки. А вот на клубнику... Я распухаю как рыба-шар и покрываюсь пятнами.

– Как мило.

– Это еще что, – хмыкнул он, – вот если я съем раков, то у меня вообще начнется припадок. И выгляжу я при этом как белый парень, который пытается танцевать.

Я засмеялась и попыталась рассмотреть его поближе.

– Пытаешься угадать мою национальность? – спросил он, заставив меня покраснеть. – Удачи с этим. Я один из тех, в ком смешаны все расы. – Он снова поднял свою вилку и принялся ее внимательно изучать. – Нет, ну серьезно, оливки в мясе? Представь, делаешь ты бутерброд и думаешь себе: «Сыр, салат, помидоры, майонез... Хм-м, а подойдут ли оливки к мясу? Нет, гениально, они будут В мясе!»

Мои губы дрогнули в улыбке.

– Не знаю даже.

– Ты не знаешь, нравятся ли тебе оливки на бутерброде? –

Он удивленно взглянул на меня.

– Нет, – я покачала головой, – не знаю, зачем людям вообще бутерброды с оливками. – Я задумалась. – Хотя, если уж так хочется, то запикивать их в мясо действительно удобнее, чем если они постоянно будут выпадать из бутерброда.

– Согласен, это удобно, – улыбнулся он и протянул мне руку. – Я Алекс, если не помнишь.

Заметив мою неуверенность, парень посмотрел на свою руку и вытер ее о штаны, избавляясь от жира. Затем протянул снова.

– Ким, – представилась я.

– Я знаю, – снова улыбнулся он. – Помимо многих других

талантов, я обладаю прекрасной памятью.

– Ты слишком энергичный. Неужели поспал в самолете?

– Да, я был в бизнес-классе. – Он покраснел и убрал челку с глаз. Я бы убила за такие ресницы, как у него, – длинные и пышные, как из рекламы туши. – Мама работает в этой авиакомпании и организовала мне перелет.

– Круто там?

– Ты даже не представляешь, насколько, – торжественно заявил он. – Кресла раскладываются как кровати, и еще нам принесли теплое печенье с мороженым. Хотя, как я слышал, тебе и в эконом-классе было неплохо.

Мои щеки вспыхнули. Коннор выставил меня перед всеми какой-то пьяницей.

– Не могу вспомнить, из какой ты школы, – сменил тему Алекс.

– Мне казалось, у тебя прекрасная память, – усмехнулась я, подтрунивая над ним.

– Это да, – он закатил глаза, – но не на уровне суперспособности, а то другим будет скучно.

– Я хожу в Хэндсворт. Наш руководитель усиленно продвигает эту программу. Говорит, самостоятельные путешествия учеников хорошо выглядят в университетских сочинениях. А ты где учишься?

– Дома, – он пожал плечами, – поэтому я такой странный. Фиговая социализация.

– О, – я удивленно моргнула, не зная, что ответить. Я даже

не поняла, шутит ли он.

Мы молча стояли рядом, пока я напряженно думала, о чем бы еще поговорить. Если не смогу придумать что-то, он уйдет в поисках кого-нибудь способного поддержать диалог. Я вспомнила Никки: ей стоит лишь мельком увидеть Алекса – и она сразу поймет, как им подружиться. Да они бы к этому моменту уже стали лучшими друзьями! А у моей мамы будто был зазубрен список тем, на которые можно разговаривать с кем угодно, от кассиров до физиков-ядерщиков.

Не то чтобы мне безумно хотелось подружиться с ним (хотя это было бы не лишним). И дело даже не в том, что у него хорошее чувство юмора и достаточно мозгов, чтобы попасть в эту программу. Просто нас было восемь «студентов по обмену», и впереди нас наверняка ждало много парных занятий. Я не хотела быть лишней, не хотела, чтобы меня назначали в пару кому-то, кому я не интересна. Осмотревшись, я уже заметила, что все разбилось на пары. Хотя мы с Софи и поболтали немного в аэропорту, сейчас она уже тусила с Джамалом.

– Тебе нравятся «Рейвенс»? – спросила я, указывая на футболку Алекса с названием группы. – У меня кузен занимается организацией их концертов.

Это было... притянуто за уши. Мой кузен работал в турагентстве, которое однажды заказывало авиабилеты для этой группы. Зато общие интересы – хорошее начало для разговора.

Алекс раскрыл рот от удивления.

– Дай мне коснуться тебя, чтобы я смог потом хвастаться, что трогал кого-то, кто трогал кого-то в «Рейвенс»! – Он коснулся пальцами моего запястья и глубоко вздохнул. – Официенно.

Я вздрогнула от его прикосновения. *Зачем я соврала?* Кто бы мог подумать, что он такой фанат? Мне всего лишь хотелось завязать разговор. Я оглядела комнату, не смотрит ли кто на нас, но все были увлечены своими собеседниками. Сделав глубокий вздох, я собралась с силами. Мне нужно было менять свою жизнь к лучшему. Никки бы не стала ждать, пока кто-нибудь обратит на нее внимание.

– Слушай, если нам придется делиться на пары для этой программы, не хотел бы ты...

– Сходить с тобой на свидание? – Он закинул руку мне на плечо. – Я уж думал, ты никогда не спросишь.

Мне стало жарко. Но увидев, что Коннор наблюдает за нами, я вздернула подбородок и не стала скидывать с себя руку Алекса. Пусть видит, что я в нем не нуждаюсь.

– Разумеется, я хочу тусить с кем-то, кто практически работает с моей любимой группой, – пошутил Алекс. – Ты от меня больше не избавишься.

Его фанатство стало меня немного пугать. Вдруг он попросит меня достать билеты на концерт или что-нибудь в этом духе?

– Ты не подумай, мой кузен не личный менеджер «Рей-

венс», он всего лишь был связан с планированием гастролей... – Я изо всех сил старалась выкрутиться из этой ситуации.

– Не подумай, я не собираюсь приударить за тобой только чтобы стать ближе к своим кумирам, – улыбнулся Алекс. – У меня есть причины получше.

Я замерла. Было ли это шуткой? Парень широко улыбался; небольшой скол на переднем зубе, казалось, делал его младше. Он засунул руки в карманы и отвел глаза.

– К тому же ты разгадала тайну оливкового мяса, что делает тебя несомненно полезной в этой поездке, – добавил он, – и мне кажется логичным держаться поближе к умным людям, находясь за границей. Но ответь мне на главный вопрос, который поможет решить наши будущие отношения: «Звездные войны» или «Звездный путь»?

Я задумалась.

– Предпочитаю «Миссию „Серенити“».

– Да ты бунтарь, – снова улыбнулся Алекс.

– Судя по всему.

Таша вошла в библиотеку и хлопнула в ладоши, чтобы привлечь наше внимание. На ней была белая обтягивающая футболка, открывающая подкачанные руки. Ей стоило бы сниматься в боевиках.

– Итак, все слушайте меня. Я знаю, что вам уже рассказали правила, но напомню самое главное, – она сделала паузу и пристально оглядела присутствующих, – тут нет демокра-

тии. Я командую вашей группой. Вы, скорее всего, решили: «О, никаких родителей и учителей, классно!» Так вот, даже не думайте об этом. Пока вы здесь, считайте меня своей королевой, а все сказанное мной – законом.

Таша улыбнулась, показав ряд белоснежных зубов. Они словно мерцали на фоне ее темной кожи.

– Не послушаешься ее – и голова с плеч, – прошептал Алекс мне на ухо.

– Именно так! – Таша резко повернулась к нам.

– Как вы... – испуганно начал Алекс.

– ...услышала тебя? – оборвала она парня на полуслове. – Я слышу абсолютно все, даже еще не сказанное и не придуманное. Вы у меня не первая группа студентов. А в течение учебного года я преподаю в детском саду. И если я могу справиться с двадцатью крохотными детьми, которые даже в туалет толком ходить не могут, то уж точно справлюсь с вами. Мы хорошо проведем время, вы осмотрите все интересные и знаменитые места в Лондоне, при этом получите новые знания – если говорить об образовательной части путешествия. Предлагаю не раздражать меня и придерживаться правил, и в ответ я сделаю все возможное, чтобы вы хорошо провели время и вернулись домой в целостности и сохранности. Идет?

Все восемь человек дружно закивали головами. Софи при этом делала записи своим ровным, словно печатным, почерком.

– Класс! Тогда давайте двигаться. Я предлагаю пройтись

по Кенсингтон Гарденс – это совсем недалеко отсюда, – немного встряхнуться, осмотреть район, чтобы вы представляли себе, где находитесь, а на обратном пути завернуть к метро и купить вам проездные. – Таша движением показала нам встать. – Выберите себе партнера для прогулок на следующие две недели.

Мы с Алексом дали друг другу пять.

– Ладно, Лондон большой, так что будем держаться вместе.

Все поднялись, собирая рюкзаки. Джамал повесил свою огромную камеру на шею, распахав всю остальную технику по карманам. Он выглядел как папарацци.

– Там дождь идет, – объявила Софи, выглядывая из окна. Кендра сильно нахмурилась, словно дождь оскорблял ее одним своим присутствием. Такими темпами к тридцати годам у нее все лицо будет в морщинах.

Таша закатила глаза.

– Ты называешь это дождем? Милая, здесь это просто туманная дымка, никто даже зонт не раскроет. Почему, по-твоему, у всех англичан такая хорошая кожа? – Она картинно похлопала себя по щекам. – Здоровое увлажнение от матери-природы.

Широко раскрыв дверь, она указала нам двигаться вперед. Было очевидно, что от прогулки нам не скрыться. Уже на выходе Алекс наклонился ко мне и процитировал мой любимый фильм:

– Вот мы и стоим на краю нового приключения.

Сердце забилося быстрее. Вот оно. Первый день моей новой жизни. Я крепче ухватилась за локоть парня.

– Я абсолютно уверен, что она из чьей-нибудь армии. Возможно, малоизвестный герой Марвелы.

– Она вполне может убить тебя с помощью мизинца и прищепки, – прошептала я в ответ.

– Прищепка ей нужна просто как завершающий штрих, – засмеялся Алекс.

Мы вышли из общежития на тротуар, и шум проезжающих машин на минуту оглушил меня. Красный двухэтажный автобус скрылся за поворотом; казалось, сигналила каждая вторая машина. Я осмотрелась по сторонам, обратив внимание на забитые магазины и рестораны. Люди всех форм, размеров и цветов слаженно двигались по пешеходной зоне. Мое сердце пропустило удар; казалось, воздух наэлектризован.

Я и правда была в Лондоне. Все еще не могла сопоставить его с Ванкувером – он казался больше, и все вокруг как будто говорили с акцентом. Но это не главное, что меня поразило. История этого города сквозила повсюду: современный «Старбакс» соседствовал с двухсотлетним зданием, и я бы совсем не удивилась, увидев в пабе Шекспира или Гарри Поттера. Лондон казался местом, где магия реальна, а тайны заполняют все пространство.

Это был мой шанс. Я взглянула на наши с Алексом руки,

сплетенные вместе, и мне стало тепло на душе.

– Взгляни-ка, там есть тайская еда, – сказал Алекс, указывая на ресторан под флагом Тайланда. – Обожаю ее. Хочешь зайти туда после прогулки?

Вдвоем?

– Э, конечно. Могу поспорить, их еда лучше мяса с оливками.

– Все что угодно лучше мяса с оливками.

Я засмеялась. Вместе со смехом пришло озарение, что похмелье прошло, которое тут же сменил голод. Проведя всего пару часов в Лондоне, я уже влюбилась в этот город.

Шесть

Семнадцатое августа

Осталось 14 дней

Дрожа, я поглубже натянула капюшон своего дождевика. Лето в Англии было понятием относительным.

– Давай посмотрим на башню Уэйкфилд. – Алекс мельком взглянул на карту и осмотрелся.

Мы приехали в Лондонский Тауэр с парой других групп из Метфорда. В автобусе казалось, будто нас жутко много, а тут мы сразу же затерялись среди моря туристов, наполнявших территорию.

Я шла, дотрагиваясь пальцами до влажных каменных стен, пытаюсь осознать тот факт, что этот замок был построен в 1066 году. Я старалась подсчитать, сколько лет прошло с тех пор, сколько людей здесь побывало, но мозг не справлялся с задачей. Всякий раз, поворачивая за угол или нагибаясь в низком дверном проходе, я будто видела картины из прошлого. История и смерть казались ближе. Сам воздух был плотным из-за дыхания миллионов людей, посетивших

замок.

– Ребят, вы нашли последнюю подсказку? – спросила Софи.

Алекс покачал головой в ответ. Нахмурившись, Кендра скомкала свою карту.

– Зачем они сделали задания такими сложными? Мы все еще не оправились после перелета, а теперь нам нужно отвечать на их загадки! – Она отошла к Джамалу, который судорожно пытался найти ответы в интернете.

– Это просто повод осмотреть все повнимательнее, – объяснил Алекс Софи, стоявшей рядом. – За это не будет оценки или чего-то такого.

– Знаю, я ей то же самое сказала, – кивнула головой та и подозвала к себе Жасмин. – Пойдем с нами, мы с Джамалом хотели еще раз проверить часовню.

Таша и лидеры других групп вместе сделали детальный квест, в котором нам предстояло разгадывать каверзные загадки. Уже почти все пары нашли большинство ответов, кроме последнего, самого сложного из всех. Нам обещали, что двойка победителей получит приз, по слухам – билеты в театр на известный мюзикл в Вест-Энде.

– Мы точно выиграем, вы можете даже не пытаться, – хвалился в автобусе Коннор. Мириам пихнула его в бок локтем, будто это была шутка, но я видела, как сильно он хочет победить.

Наблюдая за ним, я поняла одну вещь: еще месяц назад

я бы сбросилась с этой башни, лишь бы обеспечить ему победу. Пару дней назад я бы спихнула его самого, лишь бы удержать его от победы. А сейчас мне было вообще все равно, и это меня несказанно радовало. Как будто я избавилась от высокой температуры.

– Поняла! – закричала я. Алекс резко обернулся и подошел ко мне. Хоть мой мозг и обдумывал проблему с Коннором на одном из уровней подсознания, на другом он решал загадку Тауэра. Я указала Алексу на Ворота Предателей.

Тот нахмурился:

– Не понимаю.

– Послушай подсказку еще раз: «По слухам, в этом месте звучали крики невинных о пощаде, но на самом деле к нему вела дверь Иуды». Сначала мы подумали, что из-за Иуды это должно быть как-то связано с часовней, но вдруг это не так? – Я стала говорить тише, чтобы нас никто не подслушал. – Помнишь, как Таша рассказывала нам за завтраком про Анну Болейн? – И хотя по программе у нас не планировалось такого количества обучения, Таша была намерена рассказать нам все на свете. Мы и шагу не могли ступить без ее фактов об истории или искусстве.

– Припоминаю, – медленно ответил Алекс.

– Про то, как ее сюда привел Генрих Восьмой, и по приходу она...

– ...упала на колени и заявила, что не виновна, – закончил за меня Алекс. – «Крики невинных о пощаде».

– И люди часто говорили, что она вошла через Ворота Предателей, – я указала на ворота за спиной, – хотя историки оспаривают это, ведь она была королевой и ее бы никогда сюда не привели. И как еще называют предателей?

– Иуда! – По лицу Алекса расплзлась улыбка, и он закружил меня в объятиях. – Ты чертов гений!

Меня согревали волны радости и удовольствия. Я нашла ответ на загадку, над которой все остальные ломали голову уже час, и почувствовала прилив сил, который получала обычно за правильные ответы в школе. Может, это призрак Анны Болейн помог мне с ответом, поняв, что нас обеих кинули парни, быстро переключившись на какую-то модель? Она бы тоже смогла забыть о нем – если бы ей не отрубили голову.

– Да ничего особенного, – отмахнулась я от похвалы.

– Шутишь? Им тут надо повесить табличку: «На этом месте божественная Ким Майер решила нерешаемое».

Мне нравилось восхищение в его взгляде. Он был действительно впечатлен и рад за меня. При этом даже не поспешил преуменьшить мой вклад в нашу победу, хотя и сам разгадал несколько загадок.

– Зато ты ответил на вопрос про геральдику, – напомнила я.

– И правда. Возможно, мы непобедимая команда.

Я улыбнулась; это звучало неплохо.

– Пойдем, найдем Ташу и остальных, – сказал Алекс, по-

тянув меня за руку.

Меня будто слегка ударило током от его прикосновения. Он так и не отпустил руку, и мы продолжили вместе пробираться через толпу туристов. И тут я заметила ее.

Никки.

Я остановилась. *Она ли это?* Девушка отвернулась, и теперь я видела только ее затылок.

– Сейчас вернусь, – бросила я Алексу через плечо, убегая за Никки.

Каковы были шансы, что мы встретимся в девятимиллионном городе? Она шагала к Белой башне.

– Никки! – крикнула я.

Та остановилась и посмотрела по сторонам, будто услышав свое имя, но я все равно не могла разглядеть ее. Она возобновила свой путь, двигаясь к часовне все быстрее.

Я прибавила шагу, но двор был набит людьми, и я снова ее упустила. *Вот дерьмо.* Я подпрыгнула, надеясь увидеть Никки через головы окружающих. Может, она зашла внутрь? Я подошла ближе к воротам Мартин Тауэр, как вдруг крупный мужчина в ковбойской шляпе схватил меня за плечо.

– Эй, тут очередь! – Он указал на змеящуюся линию из людей, жаждущих поглазеть на королевские сокровища.

– Я не лезу без очереди, просто ищу свою подругу.

– Разумеется, дорогуша, – недоверчиво хмыкнул тот.

Я почувствовала раздражение. Раньше я бы просто про-
бормотала извинение, но не теперь.

– Я тебе не дорогуша.

– Правильно говоришь, девочка, – слышался голос из очереди.

Я заметила Никки. Теперь она шла по направлению к выходу. Мне пришлось ускорить шаг – если она покинет комплекс, то я больше никогда ее не найду.

Внезапно группа туристов перекрыла мне путь. Я врезалась в спину пожилого мужчины, который споткнулся и наверняка упал бы, если бы его не подхватили.

– Прощу прощения, – сказала я, в ужасе наблюдая за произошедшим.

– В Тауэре бегать запрещено! – прокричал мне бифитер. Он был одет в сине-красную ливрею с большой красной короной на груди. Его громкий голос отражался от толстых каменных стен.

– Простите, – снова извинилась я. Ну почему я такая неуклюжая?

– Ничего, я в порядке, – с улыбкой ответил старик.

Я посмотрела в сторону выхода, но Никки и след простыл.
Если это вообще была она.

– Вот ты где! – Ко мне подбежал Алекс. – Все хорошо?

– Да, – я махнула рукой в сторону ворот, – просто показалось, что увидела знакомую. – Я остро чувствовала разочарование. Здорово было бы увидеться с ней.

– Нам пора идти, Таша зовет. Через пару минут все собираемся в автобусе.

– Почему? Мы же еще даже не сходили к бифитерам.

– Тот шумный парень в нашей группе... Коннор, кажется?

Он упал и повредил то ли колено, то ли лодыжку, поэтому нам всем нужно вернуться.

У Коннора обычно не было проблем с координацией, это, скорее, моя фишка. Он же считался одним из тех людей, которые смогут увернуться от всего. Видимо, перелет его сильно вымотал.

Алекс посмотрел на меня и поспешил добавить:

– Не волнуйся, я отдал Таше наш лист с ответами. Мы с тобой единственные, кто все решил. Так что билеты наши.

– На какой мюзикл?

– Два места на «Призрак оперы» в эти выходные! – Алекс чуть не подпрыгивал от радости. При этом его движения казались плавными, совсем как у кота.

– Ты что-то совсем не похож на театрала.

– Ты не представляешь, насколько широк круг моих интересов. Моя прекрасная леди, не окажете ли мне честь, составив компанию на вечер в театре? – Он протянул последнее слово с наигранным английским акцентом и подставил мне локоть.

Я взяла его под руку.

– Я буду очень рада сопровождать вас.

– Это свидание, – объявил Алекс.

Меня снова пронзило током. Еще пару недель назад я сохла по Коннору. Не то чтобы я была уже готова влюбиться в

кого-то другого так быстро – тем более только за то, что этот кто-то казался умным и смешным. И симпатичным. Но все же...

Я взглянула на Алекса. Его широкая улыбка была такой заразительной, что я не могла не улыбнуться в ответ.

Семь

Восемнадцатое августа

Осталось 13 дней

– Увидимся у Вестминстера через полчаса, – скомандовала Таша следующим утром, когда мы подошли к метро. Все кивнули. Кендра и Джамал отделились от группы, чтобы купить кофе в «Кафе Флоран». Остальные направились дальше. Зная, что нам будет трудно путешествовать группой по забитым станциям метро, перед выходом из Метфорда Таша убедилась, что мы точно знаем дорогу, и еще раз напомнила, где мы встречаемся.

Станция Саус Кенсингтон была сущим адом, потому что на ней пересекались линии Дистрикт, Пикадилли и кольцевая. Туристы и местные заполняли магазины возле станции, хватая банки с колой, сладости, газеты *The Times* и *Time Out*.

На третий день в Лондоне я уже чувствовала себя местной: знала, как прикладывать карту к турникету, и могла легко лавировать между людьми и колясками по пути к эскалатору, точно зная, какой поезд мне нужен.

– Хочешь воды? – спросил Алекс. Я кивнула и стала рыться в карманах, ища мелочь, но тот отмахнулся. – Не волнуйся, я куплю. – Он отскочил к ближайшему киоску.

– Нам надо поговорить. – Прихрамывая, ко мне подошел Коннор. Его лодыжка была обмотана бинтом; наверняка он на полную воспользовался этим для получения внимания. Коннор кивнул в сторону Алекса. – Он знает?

Я почувствовала, как у меня заскрежетали зубы.

– Ты был предельно ясен: между нами ничего нет. Так что ему не о чем знать.

– Вы вчера были очень близки, – отметил Коннор. Общее помещение в Метфорде включало в себя кафетерий и кинотеатр. Пройдой ночью там крутили три первых фильма про Чужого.

Я покраснела, вспомнив, как близко мы сидели с Алексом. Всякий раз, когда пришелец выскакивал на экран, мы подпрыгивали, сталкиваясь руками над ведром с попкорном.

– Если ты встречаешься с ним, чтобы заставить меня ревновать, то это бесполезно.

– Не все в мире связано с тобой, Коннор. – Мой рот будто наполнился желчью.

– Не притворяйся, будто не способна на подобное. – Коннор наклонился ближе. – Он вроде неплохой парень. Может, мне стоит его предостеречь, каково с тобой связываться?

– Ты о чем вообще? Слушай, у нас не получилось, бывает. Ты нашел себе кого-то. Я тоже забыла о тебе. Отстань от

меня.

Коннор засмеялся.

– Ты забыла обо мне? При том, что прилетела сюда за мной и теперь крутишь этого несчастного, чтобы я обратил на тебя внимание? Больная.

Алекс уже расплачивался за воду. Последнее, что мне было нужно, это чтобы он услышал этот разговор. Что так взбесило Коннора? То он не разговаривает со мной неделями, то вдруг сует нос в мою жизнь.

– Оставь меня одну, ты же именно этого и добивался. Иди в задницу, – прошипела я.

Кендра и Джамал остановились рядом; глаза у Кендры распахнулись, когда она услышала меня. Просто великолепно. Теперь все будут обсуждать, что между нами стряслось. Я попыталась улыбнуться и помахала им. Джамал пожал плечами, и они отправились вниз к платформе.

Коннор покачал головой.

– Мы с тобой не закончили. – Он повернулся и захромал в сторону эскалатора.

– Возьми. – Алекс протянул мне холодную бутылку с водой. – Чего это с ним?

Я закусила губу. Мало того, что Коннор разбил мне сердце, так он еще и хотел испортить мои отношения с Алексом.

– Да ничего, он...

– Извините, мисс?

Я повернулась на голос и увидела пожилую пару туристов.

На них были белые кроссовки, похожие на огромные зефирки, и на поясах висели сумки на молниях. Мужчина держал открытым путеводитель со множеством разноцветных закладок.

– Вы не подскажете, как добраться отсюда до Букингемского дворца?

Я была готова расцеловать их за то, что прервали наш разговор.

– Вам нужно сесть на поезд на линии Дистрикт, – я указала на знак над головой, радуясь, что знаю ответ, – и выйти на станции Сейнт-Джеймс. А оттуда можно дойти пешком. Нам тоже нужно ехать в ту сторону, так что можем проводить вас до половины пути.

Мы с Алексом замедлили шаг, чтобы они могли успеть за нами, пока женщина без умолку трещала об их приезде из Индианы, отложенном самолете и о том, как они не смогли найти в Лондоне тот вид йогурта, который она предпочитала. Мне нравилась ее болтовня – так мне не нужно было объяснять ничего Алексу.

Платформа чем-то напоминала сауну – было жарко, влажно и полно людей. Из динамиков донеслось уведомление: поезд прибывал с опозданием. Толпа становилась все гуще, и поэтому я обратилась к пожилой паре:

– Если мы потеряемся, просто садитесь на этот поезд и проезжайте на нем пару остановок.

Они кивнули в ответ, но, кажется, уже не слушали: их вни-

мание было поглощено толпами людьми вокруг. Я бы не удивилась, если бы мужчина сфотографировал стоящую рядом с ним девушку-гота с булавкой в брови. Он наклонялся все ближе и ближе к ней, будто надеясь изучить ее внешний вид.

– Приглядывай за ними тоже, – шепнула я Алексу, – а то разбредутся в поисках приключений.

– Ты прям ангел-хранитель престарелых, – пошутил Алекс, получив от меня локтем в бок.

Люди все больше и больше заполняли платформу, отделяя нас друг от друга. Я уже не видела пожилую пару – только высокого Алекса. Он кивнул вправо, давая мне понять, что наблюдает за нашими туристами.

Сквозь шум толпы до меня донесся смех Мириам. Они с Софи оживленно болтали у автомата с напитками. Коннор стоял рядом с краем платформы, рассматривая постеры на стене, рекламирующие все подряд – от водки до балета. Судя по выражению его лица, он все еще злился. Мириам, видимо, не захотела быть рядом с ним в таком настроении. Я смотрела ему в затылок, молча умоляя, чтобы он ничего не сказал Алексу.

Из туннеля хлынул поток прохладного воздуха, и до нас донесся скрежет приближающегося поезда. Шум толпы усилился, все стали ломиться вперед. Что-то ткнуло меня в икру, и я обернулась. Сзади меня стоял парень с большим зонтиком, упирающимся мне в ногу.

– Не подвинетесь? – спросила я.

– Отвянь, – ответил тот едва слышно за шумом поезда, людей и громкого объявления, напоминающего стоять за линией безопасности. Затем послышалось громкое и влажное «Бух!», и поезд резко ударил по тормозам, скрипя по рельсам.

Кто-то закричал, начиная цепную реакцию паники в толпе. Половина людей направилась к эпицентру событий, в то время как другая половина отхлынула обратно к лестнице, ожидая атаки террористов. Я споткнулась, но не упала, сжатая со всех сторон людьми.

– О боже, о боже! – стал кричать другой голос.

Я сделала пару шагов и очутилась в начале платформы. Ко мне поспешил работник станции.

– Всем отойти! – закричал он, размахивая руками. – Никому не прыгать на рельсы!

И зачем кому-то может понадобиться прыгать на рельсы? Люди внутри поезда прижались к окнам, наблюдая за нами, будто за животными в зоопарке.

Внезапно рядом со мной оказался Алекс и схватил меня за руку.

– Что случилось?

– Без понятия, – напряженно ответила я, а затем заметила на земле синий кроссовок. Он просто лежал с высунутым язычком, будто сейчас кто-то должен был подойти и надеть его обратно. Какая-нибудь золушка в кроссовках.

Работник станции соскочил вниз с платформы и накло-

нился над чем-то. Пышная женщина в красном платье подвинулась поближе, желая посмотреть на причину суматохи, но быстро отошла назад, пошатываясь, после чего ее вырвало на платформу.

– Прыгун, – донеслось сзади. Тот самый парень с зонтом. Он покачал головой.

До меня дошло значение сказанного – кто-то кинулся под поезд. Горячая желчь стала подниматься из желудка, реагируя на реальность происходящего.

– Боже, мы так отсюда никогда не уедем, – презрительно продолжил тот же парень. – Лучше пройтись пешком до следующей станции. Им тут еще долго рельсы очищать, и поезда смогут двинуться не раньше чем через час, – заявил он всем стоящим рядом. Затем подтянул повыше штаны и стал пробираться через платформу к эскалаторам. Другие последовали за ним.

– Коннор? – позвала Мириам.

Я окинула взглядом платформу в поисках ребят из нашей группы. Коннора среди них не было. Внезапно я вспомнила кроссовок. *Разве у него не похожие?*

– Коннор?! – Голос Мириам сорвался на визг. Софи заметила Ташу и яростно замахала ей рукой. Та пробралась сквозь толпу, взглянула вниз с платформы и быстро оттолкнула Мириам назад от края.

– Не смотри, – скомандовала она и крикнула: – Студенты по обмену! Все поднимайтесь к выходу, мы уходим отсюда.

Немедленно!

Когда мы собрались, Таша ухватила Мириам за талию, помогая ей идти и одновременно таща за собой.

Я должна была посмотреть. Казалось, я была прикована к краю платформы, меня словно тянуло туда. Я взглянула вниз.

Мой мозг старался осознать увиденное, собрать этот сложный пазл. Все казалось неправильным; передо мной будто лежал неверно собранный манекен, с руками и ногами, но не там, где надо. Одна нога была оторвана начисто. Стена забрызгана кровью. Его лицо было повернуто набок, и я увидела один карий глаз, смотрящий в никуда. Коннор и не Коннор одновременно.

Все звуки превратились в тонкий писк, словно издаваемый армией комаров у меня в голове. Мои подмышки вспотели, и я чувствовала капельки пота на лбу.

Алекс стоял прямо передо мной и что-то говорил, но я не слышала его. Нужно было убраться отсюда. Я попыталась убежать, но ноги перестали меня слушаться. Сделав пару шагов, я упала.

Восемь

Восемнадцатое августа

Осталось 13 дней

Я чувствовала себя марионеткой с оторванными ниточками. Когда я рухнула на пол, Алекс был рядом. В воздухе стоял странный запах, медный, словно от раскаленных монеток. Я попыталась встать, но ноги разъехались, а ладони скользили по грязному плитчатому полу. Мне жутко хотелось убежать, но тело отказывалось повиноваться желаниям. Реальность ощущалась далекой и неполной, будто кто-то удалил половину кадров из киноплёнки.

– Эй, осторожнее, у тебя шок. – Алекс обнял меня рукой и помог сесть прямо. Затем протянул бутылку с водой, но я отказалась. В ушах все еще звенело.

– Коннор, – произнесла я.

– Да, – ответил Алекс, не глядя на меня. Он выглядел бледным и испуганным; интересно, видел ли он это? Нет, не *это*. Коннора.

– Готова встать?

Я кивнула. На платформе прибавилось работников станции, все остальные испарились. Взглядом я нашла кроссовок – все еще на месте. Меня снова затрясло. Алекс помог мне встать, поддерживая за талию.

– Если она в порядке, то вам стоит уйти отсюда, – сказал один из охранников. – Или она ударилась головой?

– Нет, она просто упала. – Он притянул меня ближе, губами почти касаясь уха. – Я сказал Таше, что доведу тебя до Метфорда. Можешь идти?

Я кивнула, хотя и не была уверена. Мои конечности словно существовали отдельно от тела. Ноги казались разной длины, кости были словно сделаны из резины, готовые согнуться в любой момент. Алекс повел меня к эскалатору, придерживая, чтобы я не упала.

Как только мы вышли со станции, я резко остановилась. Было ясно и солнечно, все облака исчезли. Люди вокруг шли по своим делам. Одна женщина гоготала в трубку, напоминая ишака: «Иха-хааа-ха-хааа». Я закрыла уши ладонями и прикрыла глаза, стараясь прийти в себя. Алекс отвел меня к скамейке, на которую я тут же рухнула.

– Пойду куплю тебе имбирного эля, – сказал Алекс и убежал к магазину.

Это был Коннор, никаких сомнений. И последнее, что я ему сказала: «Иди в задницу». Я поморщилась.

– Вот, выпей. – Алекс сел рядом со мной и протянул мне бутылку.

От газировки рот наполнился пузырьками, и в какой-то момент я даже начала сомневаться, что смогу проглотить напиток.

– Спасибо, – тихо сказала я.

– Не знаю даже, почему именно эль купил. – Алекс вытер ладони о джинсы и пожал плечами. – Мама всегда мне его дает, когда я плохо себя чувствую.

Сахар из напитка словно пробирался сквозь туман в моей голове; я больше не чувствовала слабость.

– Прости, меня как-то подкосило там.

– Да, выглядело жутко. Скорее всего, это шок.

– Что вообще произошло? – спросила я. – Он просто упал?

– Без понятия. Я смотрел за той пожилой парой и внезапно услышал крики. – Он помотал головой, будто пытаюсь прогнать воспоминание.

Я осушила бутылку. Алекс даже не знал, что мы с Коннором встречались; мне хотелось объяснить ему.

– Слушай, Коннор... – Но внезапно голос пропал, будто не желая подчиняться мне и произносить эти слова.

– Не волнуйся сейчас ни о чем, давай просто вернемся ко всем.

По дороге в Метфорд я приняла решение, что наши с Коннором отношения ничего не значили. И не меняли. Внезапно рассказывать всем об этом – все равно что жаловаться для привлечения внимания. Не буду же я делать из этого траге-

дию с собой в главной роли. Даже Коннор заслуживал лучшего.

* * *

В Метфорде нам велели идти в библиотеку, где Софи тут же дала нам обоим большие кружки.

– В кафетерии сделали чай. Только мне кажется, они насыпали туда килограмм сахара – вроде как горячие и сладкие напитки полезны в таких ситуациях. Еще есть печенье. – Она наклонилась, чтобы наполнить кружку Кендры.

В каких «таких ситуациях»? Я прихлебнула чай и поморщилась – он обжигал язык раскаленным железом.

– Как Мириам? – спросил Алекс.

– Таша отвела ее наверх.

– Боги, что могло заставить его прыгнуть? – подал голос Джамал. Все его движения были дерганными: он продолжал то засовывать, то высовывать руки из карманов и качать ногами туда-сюда. – Если хочешь покончить жизнь самоубийством – пожалуйста! Только вот зачем под поезд-то бросаться?

– Ты же не знаешь, что там случилось, – ответила ему Жасмин. – Может, он просто упал. Несчастный случай.

– Или кто-то толкнул его.

Все повернулись к Кендре, свернувшейся в клубок в углу дивана. Ее губы были плотно сжаты.

– Что ты ему сказала? – спросила она, обращаясь ко мне.

– Ты о чем? – Я почувствовала, как мои руки начинают трястись.

– Вы поссорились на станции.

– Да не ссорились мы, – соврала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.